

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Прекрасно! Искусство! Духовная! Умственная! ...

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Марта № 5-й. 1900 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Изъ ученическихъ сочиненій въ Бозѣ почившаго Митрополита С.-Петербургскаго Палладія.

Печатаемое ниже разсужденіе о молитвѣ Высокопреосвященнаго Палладія написао имъ въ бытность его въ философскомъ классѣ Нижегородской духовной семинаріи. Оно сохранилось въ числѣ другихъ его четырехъ сочиненій въ рукописномъ сборникѣ лучшихъ сочиненій воспитанниковъ семинаріи 2-го философскаго класса XIV учебнаго курса (1845—46 г.г.).

О молитвѣ въ психологическомъ отношеніи.

Духъ нашъ имѣетъ умъ и сердце; умъ ищетъ предметовъ познанія, а сердце предметовъ любви которые бы вполне удовлетворяли ихъ требованіямъ. Это иска-

ніе непреодолимо и безконечно, ему ничто дальнее, скорогибнущее не может удовлетворять, онъ останавливается только на безконечныхъ совершенствахъ Того, Кого не вмѣщаютъ небеса небесъ, Чье имя пребываетъ въ вѣкъ вѣка: ибо выше сего уже нѣтъ предметовъ ни для познанія, ни для любви. Посему-то бессмертный духъ нашъ, стремящійся ко всему лучшему, совершеннѣйшему, и не находящій сего долу, и силится быть въ сообщеніи съ Источникомъ всякаго совершенства и блаженства; посему-то онъ и имѣетъ сильное, неподдаваемое желаніе возсылать къ Всемогущему Владыкѣ всего видимаго и невидимаго бытія молитвы-прошенія, благодаренія и славословія, эти живыя жертвы воспламененнаго ума и чистаго кроткаго сердца, съ вѣрою, благоговѣніемъ, упованіемъ и преданностію къ Богу возносимыя. Къ этому располагаютъ духъ нашъ и всѣ состоянія, гдѣ бы только дѣятельность его могла явить себя. Такъ, онъ иногда въ сладостныхъ восторгахъ и радостяхъ, подобно орлу, парящему къ солнцу, воспаряетъ горѣ, на ту высоту, съ которой зреть престолъ Вѣчной Любви, непрестанно изливающей Свою благодать на человѣковъ, чтобы здѣсь, падши ницъ предъ неизреченною святостію Божіею, открыть предъ лицомъ любвеобильнаго Отца Небеснаго всѣ тайные свои помыслы и возблагодарить Его за безконечную Его любовь къ нему—вознести жертву хвалы и благодаренія. Иногда утомленный тяжкими оковами бѣдствій, подобно невольнику, долго находившемуся въ узахъ душевной темницы, расторгаетъ эти узы и несется въ умиленныхъ молитвахъ къ небесамъ—въ родную свою страну насладиться тамъ драгоцѣнною, сладкою для него свободою и освѣжить удрученныя свои силы. Иногда со-

скучивъ душевною, зловредною атмосферою пороковъ и пагубныхъ преступленій, подобно заблудшему путнику, наскучившему несноснымъ зноемъ Африки, спѣшитъ скорѣе возвратиться въ благорастворенную страну жизни благочестивой и въ чувствѣ раскаянія и умиленія возносится туда же къ небесамъ—чаять тамъ себѣ помилованія,—души же благочестивыя всегда живутъ, дышатъ и питаются молитвою; это родная ихъ стихія, безъ которой имъ душно, несносно.

Такъ молитва во всѣхъ состояніяхъ и обстоятельствахъ духа служитъ для него какъ бы священнымъ лономъ, гдѣ онъ чааетъ найти себѣ упокоеніе и куда посему повергается и въ радости и печали; въ часы сознанія своей нечистоты и преступности и во все продолженіе благочестиваго житія... Она же есть потребность всѣхъ возрастовъ, состояній и религій. Молится убоженный сѣдинами старецъ, изливая теплыя слезы умиленія и благодарности за мирное окончаніе своего поприща и за многократное явленіе надъ нимъ силы Божіей въ приключеніяхъ его жизни, молится мужъ, чая исполненія своихъ надеждъ и предначертаній; молится юноша, когда изъ шума раскаянности переходитъ къ уединенію и тишинѣ ночи; онъ видитъ, что уже приближаются бури грядущихъ лѣтъ и облакомъ печали начинаютъ помрачать свѣтлые дни его; молится дитя, прося Бога о счастіи и здоровьѣ своихъ родителей. Далѣе, молится царь, облеченный державнымъ величіемъ; ибо онъ среди блеску, его окружающаго, среди хвалебныхъ въ честь ему восклицаній, чувствуетъ слабость силъ, свойственную сынамъ человѣческимъ; молится мудрецъ, созерцающій поражающія красоты вселенной и ощущаетъ въ душѣ своей непреодолимое влече-

ніе къ соединенію съ непостижимымъ, высочайшимъ Существомъ; молится воинъ, засыпая на кровавомъ оружіи; онъ знаетъ, что не сіе оружіе, но Провидѣніе небесное хранитъ и защищаетъ его въ страшный часъ брани. Наконецъ, молится Христіанинъ, возсылая прошенія и славословія ко храму Бога живаго, къ престолу Отца Небеснаго; молится и язычникъ, высказывая свои желанія, закалая кровавыя жертвы и воскуря фиміамъ кадилный предъ бездушнымъ своимъ истуканомъ. Итакъ, вотъ сколь сильна потребность молитвы для духа! Она есть всеобщій психологическій фактъ, подтвержденный всѣми возрастами, состояніями и религіями.

Что же есть она для духа? Откуда происходитъ эта сильная потребность духа — всегда возсылать ее? И какія происходятъ отъ нея благодѣтельные слѣдствія? Вотъ вопросы, которые заслуживаютъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе. Они имѣютъ близкое отношеніе и къ религіи, и къ психологіи. Разсмотримъ кратко.

Что такое молитва для духа? Духъ нашъ имѣетъ Божественное происхожденіе; онъ существо не земное: его отчина — горѣ, стихія его жизни въ небесахъ. Поэтому жизнь и силы онъ можетъ почерпать только изъ Источника жизни, животворящаго Духа Божія, подобно тому, какъ тѣло питается, и укрѣпляется только земнымъ, тлѣннымъ, перстію, изъ которой оно взято и въ которую опять обращается. Молитва и есть среда, черезъ которую духъ вашъ сообщается съ Богомъ; она есть для него тоже, что дыханіе для тѣлеснаго организма. Смотрѣть на нее такимъ образомъ располагаетъ самое сходство совершенія молитвы съ дыханіемъ. Ибо тоже можно замѣчать въ молитвѣ, что и въ тѣлесномъ

дыханіи. Здѣсь во первыхъ выдыхаются извнутри во внѣ ненужные элементы воздуха, и во вторыхъ на мѣсто ихъ вдыхаются животворные и претворяются въ кровь. Подобнымъ образомъ и въ молитвѣ выдыхаются противные, удушающіе духъ, нечистые помыслы и пороки, вошедшіе въ духъ или вслѣдствіе низпаденія его въ душную ихъ атмосферу, или только случайно имъ принятыя, и воспринимаются на мѣсто ихъ животворныя вліанія Духа Божественнаго. Итакъ по справедливости молитву можно назвать „дыханіемъ духа“.

Отсюда самъ собою открывается источникъ той потребности, какую духъ человѣческой ощущаетъ въ ней и которая выражается и доказывается почти всеобщимъ и всегдашнимъ его стремленіемъ къ оной. Дыханіе вообще есть первое, необходимое условіе бытія всѣхъ существъ одушевленныхъ; поэтому дыханіе и можно назвать еще источникомъ самой жизни, органъ дыханія — органомъ жизни. Цѣлостъ и непрерывное дѣйствованіе дыхательнаго органа есть необходимое условіе дыханія и слѣдовательно самой жизни. Ибо если отнять или остановить этотъ органъ, то остановится весь процессъ дыханія, а вмѣстѣ съ нимъ и самая жизнь существа. Подобнымъ образомъ столь же необходимо и дыханіе для духа; оно есть первое условіе его жизни; ибо если разстроить цѣлостъ его органа, который есть *даръ духовнаго слова*, черезъ которое онъ тайно бесѣдуетъ съ Богомъ, или остановить его дѣйствованіе, то необходимо жизнедѣятельность духа, свойственная его небесной природѣ, должна прекратиться. Также, если поставить духъ въ другія отношенія, поставить въ удушающую атмосферу одной земной, чувственной жизни, то необходимо долженъ уме-

реть: ибо для него внѣ сообщенія съ небомъ — съ своею отчизною, нѣтъ жизни. Потому-то духъ нашъ и имѣетъ непрерывную потребность въ молитвѣ или въ возношеніи себя къ Богу. Иона во чревѣ китовомъ, Даніиль во рвѣ между львами, отроки вавилонскіе въ печи огненной не пражращали молитвы, иначе духъ ихъ повергся бы болѣзни, а наковецъ смерти. Посему же самому и Святые Богомудрые подвижники непрестанно молились, по слову Писанія: *всякою молитвою и прошеніемъ молились во всякое время духомъ* (Ефес. 6, 18), они не опредѣлили времени для молитвы, а непрестанно день и ночь возносили ее. Вотъ источникъ столь великой потребности въ молитвѣ! Если же есть такіе, которые не чувствуютъ въ себѣ этой потребности и не возносятъ молитвъ къ Богу, то о такихъ должно сказать, что они уже совершенно умертвили духъ свой, ниспали въ душную атмосферу смертонссныхъ пороковъ и преступленій. И если что можетъ воскресить его, то только наитіе животворящей силы Божественной, которое можетъ совершиться по особенному дѣйствію благодати Божіей.

Какія благодѣтельныя слѣдствія происходятъ отъ молитвы? Мы сказали, что совершеніе молитвы сходно съ дыханіемъ, т. е. чрезъ нее также выдыхается вредное, нечистое и воспринимается благое, животворное. Теперь можно уже видѣть, сколь благодѣтельна и драгоценна для духа молитва. Духъ нашъ — сія искра свѣта Небеснаго, поставленъ на землѣ въ другую сферу, соединенъ съ тѣломъ, вслѣдствіе чего онъ подлѣжитъ различнымъ вліяніямъ и впечатлѣніямъ его. Эти вліянія и впечатлѣнія плоти и крови — совершенно противны тѣмъ высшимъ, небеснымъ вліяніямъ, какія свойственны

природѣ духа; онѣ сильно тяготятъ его, стѣсняютъ и ограничиваютъ его равноангельскую дѣятельность, влекутъ долу и даже умерщвляютъ. Посему онъ долженъ освободить себя отъ сихъ чуждыхъ, несвойственныхъ и противныхъ ему вліяній, долженъ изгнать ихъ изънутри себя, очиститься отъ всякой примѣси ихъ. Но какимъ образомъ можно изгнать изъ себя нечистые помыслы, возбуждаемые чувственными впечатлѣніями? Только молитвою; только чрезъ нее вмѣсто воюющихъ страстей воспринимается миръ духовный, на мѣсто сомнѣній — вѣра. — гордости и своеволія — смиреніе и вообще вмѣсто порока ревность по благочестію. Посему-то Иисусъ Христосъ и поставляетъ ее въ числѣ единственныхъ средствъ, посредствомъ которыхъ изгоняется родъ лукавый и нечистый. Потому-то самому и святые подвижники преимущественно упражнялись въ молитвѣ. Ею Моисей приготовилъ себя къ принятію Божественныхъ заповѣдей. — Упражняясь въ молитвѣ, духъ нашъ оживотворяется высшими силами, силами самого Духа Божія; соединяется съ Нимъ, воспринимаетъ Его въ себя: ибо молитва есть средство, которымъ ищутъ Бога и находятъ Его (Матѳ. 7, 7 и 8). Здѣсь онъ дышетъ родною ему стихіею. А что можетъ быть для него лучше и вождѣлннѣе сего. Жизнь земная, чувственная для него — существа горняго — нехороша, непріятна, вредна. Въ сей жизни дыханіе его необходимо уже должно становиться тяжелѣе и какъ бы прерываться. Но когда онъ обращается къ молитвѣ и преникаетъ чрезъ нее къ небесному, животворящему свѣту, тогда чувствуетъ онъ въ себѣ просвѣтлѣніе и какъ бы разширеніе; дѣятельность его получаетъ лучшее направленіе: мрачныя, туманныя и нечистыя стихіи, его наполнявшія

тотчасъ разсѣваются и уступаютъ мѣсто свѣту, который, вошедши въ духъ, оживляетъ подавленные и удрученные силы его.

Всякій самъ по себѣ слабъ и ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ; мысли человѣческія вообще большею частію недостаточны, сомнительны: *помышленія бо смертныхъ боязлива*, сказала мудрѣйшій изъ земнородныхъ, *и погрѣшительна умышленія наша* (Прем. Солом. 9, 14). Дѣйствительно, самый благородный и образованный изъ смертныхъ остается слабымъ, доколѣ духъ его обитаетъ въ сѣмь брэнномъ тѣлѣ. Онъ не въ силахъ всегда держать себя на высотѣ небесной. Вихрь страстей увлекаетъ его, и онъ, подобно младенцу, часто падаетъ и уклоняется на сторону заблужденій, не смотря на пріобрѣтенныя имъ познанія и высокія правила жизни. Посему всякому должно обращаться съ молитвою къ Богу, чтобы Онъ просвѣтилъ его Своимъ невечернимъ свѣтомъ, иначе никто не можетъ возвыситься въ умственной дѣятельности. *Не хвалитесь и не глаголите высокая въ гордыни, ниже да изыдетъ велеречіе изъ устъ вашихъ, яко Господь есть Богъ разумовъ.* (1 Цар. 11, 3). Молитва есть ключъ небесъ, тайнъ Божіихъ познавательница; ею Даніиль испросилъ отъ Бога открытіе и истолкованіе чуднаго сна, видѣннаго царемъ Вавилонскимъ; есть весна души, ибо при частомъ и тщательномъ упражненіи въ оной, все, такъ сказать, цвѣтетъ въ насъ, духовныя силы оживляются. Тогда облежавшіе духъ нашъ различные туманы разсѣваются, и онъ видитъ все въ настоящемъ видѣ: ибо какъ солнце отражается въ кристаллѣ и сообщаетъ ему блистаніе, такъ и Богъ невечернимъ свѣтомъ Своимъ просвѣщаетъ духъ, открытый предъ Нимъ въ молитвѣ.

Грубый покровъ, коимъ плоть омрачаетъ духъ нашъ, отнимается отъ него и онъ уже яснымъ окомъ можетъ созерцать свѣтъ Божій; становится способнѣйшимъ къ возвышеннѣйшимъ созерпаніямъ, къ воспріятію свѣта отъ невечерняго Солнца правды; кратко: тогда онъ просвѣтляется, укрѣпляется и возвышается. Посему разумъ становится свѣтлѣе; на все смотритъ съ большею ясностію и веселостію, подобно тому, какъ при легкомъ дыханіи око тѣлесное бываетъ свѣтлѣе; восходящая во время теплыхъ моленій въ превыспренняя и тамъ, такъ сказать, странствуя, онъ исполняется Божественными, небесными предметами, яснѣе различаетъ временное отъ вѣчнаго, преходящее отъ существеннаго. Сердце очищается отъ всего нечистаго и желаетъ, только Бога и его нетлѣнныхъ благъ. Воля возвращается къ свойственной ей дѣятельности и, подобно тѣлеснымъ мышцамъ, которыя черезъ надлежащее дыханіе болѣе и болѣе укрѣпляются, утверждается въ своемъ направленіи къ добру. Вообще весь внутренній человѣкъ обновляется и оживляется. Посему не удивительно, если были люди, которые живою и усердною молитвою творили чудеса—воскрешали мертвыхъ, раздѣляли моря и рѣки, отверзали источники, низводили огонь и дождь, возбуждали громы и молніи, побѣждали враговъ, останавливали солнце. Духъ чрезъ нее возвышается и оживляется; и духъ человѣческій, лишь бы не былъ подаленъ ничѣмъ постороннимъ, несвойственнымъ ему, лишь бы онъ жилъ жизнью собственною, по своей небесной природѣ, способенъ принимать дѣйствіе Всемогущаго и силою Его творить чудеса.

Наконецъ молитва укрѣпляетъ духъ среди всѣхъ

превратностей жизни. Молитва есть духовное разгла-
гольствованіе или таинственное соединеніе съ Тѣмъ,
Кто проникаетъ и содержитъ всю вселенную; посему
неудивительно, если душа въ сообщеніи съ симъ Все-
сильнымъ Существомъ получаетъ такую силу и бод-
рость, что ничто не можетъ ее возмутить. Молящійся,
открывая съ вѣрою и преданностію предъ Небеснымъ
Отцемъ сердце свое, призываетъ Его къ себѣ, — и Тотъ,
отъ очей Котораго ни одна благоговѣйная мысль, ни
одно святое воздыханіе не можетъ укрыться, внемлетъ
ему, приближается къ нему, соединяется съ нимъ, — и
изнемогшій духъ смертнаго возстаетъ, оживляется и
возвышается. Посему-то и сказалъ одинъ изъ вели-
кихъ подвижниковъ, что, „пребываніе въ молитвѣ
возраждаетъ въ достойныхъ причащеніе Божественной
силы и укрѣпляетъ союзъ сердца съ Богомъ“ (Макар.
Вел. Бесѣда 30). Дѣйствительно, чрезъ духовное соеди-
неніе съ силою Божіею человѣкъ укрѣпляется; онъ
уже безбоязненно смотритъ на всѣ опасности. Надежда
на защиту Всесильнаго сообщаетъ ему непоколебимое
мужество; не смущаясь, взираетъ онъ на бѣдствія,
которыя отовсюду окружаютъ его и грозятъ поги-
белью. Пусть міръ отказываетъ ему въ своемъ совѣтѣ
и безсильная рука человѣческая не подаетъ никакой
помощи; пусть горькіе плоды обременяютъ его и счастье
отвращается отъ него, какъ ложный другъ въ часы не-
счастія, — молитва и святая мысль, что Господь близъ
всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ, подкрѣпляютъ
его. Итакъ молитва, какъ вѣра, есть побѣда, побѣждаю-
щая самый міръ. (I Іоан. 5, 4). Въ самомъ дѣлѣ, какъ
часто молитва трудное дѣлаетъ легкимъ, какъ часто
затрудненія, препятствія и бѣдствія она или вовсе

уничтожаетъ, или превращаетъ ихъ въ неожиданныя
радости, какъ часто слабый одерживалъ съ нею побѣ-
ду надъ тѣмъ, что казалось непобѣдимымъ! Она-то под-
крѣпляетъ духъ земледѣльца, въ потѣ лица воздѣлы-
вающего поле и, такъ сказать, ведетъ плугомъ его,
поддерживая ослабѣвающую руку его. Безъ нея самый
герой хладѣетъ и лишается бодрости въ страшный
часъ брани. Она возбуждаетъ упавшую бодрость, по-
даетъ помощь слабымъ, изгоняетъ сомнѣніе изъ сер-
дечья, разсѣиваетъ облака, покрывающія будущее, урав-
ниваетъ и дѣлаетъ гладкимъ стропотный и тернистый
путь. Она, подобно цѣлительнымъ каплямъ бальзама,
залѣчиваетъ раны обремененнаго скорбію молящагося
сердца. Она только утѣшаетъ нищаго, оставленнаго
человѣками и издыхающаго на голомъ камнѣ; она сни-
маетъ благодѣтельною рукою покровъ съ томныхъ очей
его и показываетъ ему въ отдаленіи будущее. — Она
также озаряетъ лучами отрады темницу узника, обре-
мененнаго оковами и необрѣтающаго сожалѣнія въ
сердцахъ братій своихъ; она раждаетъ бодрость въ
унывающей душѣ его и льетъ цѣлительный бальзамъ
въ раны его сердца. Въ этомъ отношеніи молитва для
духа утѣшеніе и услажденіе. Посему-то и сказалъ Апо-
столь: *Злостраждетъ ли кто въ васъ, да молитву дѣетъ*
(Іак. 5, 13).

Вотъ что можно сказать о молитвѣ въ психологи-
ческомъ отношеніи! Она есть существеннѣйшее, необ-
ходимое и высочайшее стремленіе духа, и вполне удо-
влетворяетъ его требованіямъ; есть дыханіе духа, по-
средствомъ котораго извергаются во внѣ удушающіе
духъ нечистые помыслы и страсти, и воспринимаются
на мѣсто ихъ животворныя вліянія Духа Божія, —

среда, чрезъ которую духъ нашъ сообщается съ Святейшимъ Существомъ, въ удаленіи отъ Котораго онъ необходимо долженъ умереть: ибо для небесной природы его жизнь земная, чувственная—гибельна; истинно-блаженная жизнь его есть жизнь въ Богѣ и Богомъ. Кто не получаетъ благодѣтельныхъ плодовъ отъ молитвы, тотъ не долженъ унывать и отчаяваться, но продолжить свое священнѣйшее занятіе. Всеблагій Богъ, зря твое святое желаніе и даже зачатокъ желанія, можетъ быть, коснется Своей вседѣйствующей рукою твоего сердца, озаритъ и оживитъ изнемогшія силы твоего духа. Кто же не восчувствуетъ въ себѣ этой потребности, о томъ должно сказать, что у него высшая, чисто разумная сторона еще не раскрыта или духъ его уже совсѣмъ низпалъ въ душную атмосферу смертоносныхъ пороковъ.

Сообщ. А. Тиховъ.

Христіанскій смыслъ паломничества.

Императорское Православное Палестинское общество считаетъ одною изъ своихъ задачъ: оказывать пособіе Православнымъ паломникамъ Св. мѣсть. Слѣдовательно, общество признаетъ паломничество дѣломъ, во первыхъ, весьма обширнымъ и настолько, что заботу о паломничествѣ оно ставитъ на ряду съ другими, уже безспорно важными, своими задачами, а во вторыхъ, весьма важнымъ, полезнымъ, хорошимъ, такимъ вообще дѣломъ, которое нужно поддерживать и развивать. И, дѣйствительно, общество дѣлаетъ съ своей стороны рѣшительно все, чтобы поклонникамъ, отправляющимся ежегодно въ Св. Землю въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, возможно дешевле, съ наибольшими удобствами

и даже комфортомъ можно было совершить 3,000 верстное разстояніе, отдѣляющее Россію отъ Св. Іерусалима; общество создаетъ эти удобства и въ самой Св. Землѣ, устраиваетъ тамъ удобныя подворья, больницы, школы, имѣетъ своихъ проводниковъ; благодаря заботливости общества, теперь за 38 р. 50 к. можно проѣхать напр. отъ Кіева до Іерусалима и обратно въ Кіевъ; за 13 коп. въ сутки можно въ Іерусалимѣ имѣть приличное помѣщеніе, для ночлега кровать, пищу, и горячую воду для чая. Заботливость Палестинскаго общества о Русскихъ паломникахъ простирается до того, что оно для нашихъ Русскихъ людей приготовляетъ въ отдаленной Палестинѣ Русскій ржаной хлѣбъ, который въ Палестинѣ не родится и безъ котораго едва-ли какой Русскій человѣкъ можетъ обходиться. Благодаря всему этому, паломничество въ Св. Землю сильно увеличивается, и ежегодно до 8 тысячъ Русскихъ, большею частію при концѣ осени, на полгода или больше отправляются на далекій востокъ, въ ту благословенную и дорогую сердцу землю, гдѣ жилъ, страдалъ и умеръ нашъ Спаситель. Императорское Православное Палестинское общество, такимъ образомъ, своими заботами содѣйствуетъ развитію паломничества въ Св. Землю—и то, что прежде считалось единицами, теперь насчитывается въ тысячахъ, и то, что прежде являлось предпріятіемъ необыкновенно труднымъ, невѣроятнымъ подвигомъ, теперь, благодаря Палестинскому обществу, является дѣломъ сравнительно легкимъ, не лишеннымъ даже нѣкоторой доли пріятности, путешествіемъ.

Всякому понятно, что дѣятельность какъ частнаго лица, такъ и цѣлаго учрежденія тогда только имѣетъ

цѣнность и заслуживаетъ сочувствія и поддержку, когда приноситъ дѣйствительную пользу обществу и когда оправдывается хорошими результатами, возвышающими или матеріальное благосостояніе общества, или его умственную и нравственную жизнь. Приноситъ ли какую дѣйствительную пользу паломничество во Св. Землю? Оправдываетъ-ли оно всѣ разнообразныя заботы, затраты, общественное вниманіе, какія оно вызываетъ къ себѣ со стороны Палестинскаго общества? Есть-ли оно, далѣе, дѣло истинно-христіанское въ такой степени, чтобы не противорѣчить высокимъ идеаламъ христіанства и въ то-же время не выражать собою только не существенной, обрядовой его стороны? Вопросы эти на первый взглядъ могутъ показаться совершенно излишними, потому что едва-ли кто нибудь изъ насъ можетъ сомнѣваться въ высокой важности посѣщенія тѣхъ Святыхъ и дорогихъ сердцу всякаго христіанина мѣстъ Палестины, гдѣ исторически совершилось наше искупленіе отъ грѣха, проклятія и вѣчной смерти. Но важность болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ вытекаетъ изъ того обстоятельства, что далеко не всѣ раздѣляютъ нашъ простой христіанскій взглядъ на паломничество; многіе изъ среды свѣтскихъ людей считаютъ его дѣломъ совершенно бесполезнымъ и даже вреднымъ. Къ чему, какъ часто говорятъ, эти затраты времени и труда! Приносятъ-ли эти путешествія какую нибудь пользу? у себя дома развѣ нельзя найти множества случаевъ дѣлать истинное добро? Путешествующій въ отдаленную Палестину затрачиваетъ и время и деньги, между тѣмъ, какъ онъ могъ бы безъ потери того и другого помолиться дома въ своемъ храмѣ за богослуженіемъ, молитвенно восносить свой умъ и сердце

къ Христу, вспоминать событія Его жизни, Его страданія и, такимъ образомъ, духомъ своимъ перенестись и на Голгоѳу и въ Виѳлеемъ и Іорданъ; на тѣ же деньги, которыя онъ затрачиваетъ на путешествіе въ отдаленную Палестину, онъ могъ бы у себя дома, не ходя далеко, осуществитъ самую первую христіанскую добродѣтель—любовь, накормить голодныхъ, одѣть нагихъ, помочь болящимъ и совершить другія разнообразныя добрыя дѣла. Паломничество во Св. Землю, говорятъ, есть не болѣе, какъ бездѣльное шатаніе, развивающее въ человѣкѣ праздность и отвлекающее его отъ исполненія самого существеннаго въ христіанствѣ, исполненія заповѣди любви къ ближнимъ. Понятно, при такомъ взглядѣ на паломничество, оно и въ очахъ Божіихъ едва-ли можетъ считаться дѣломъ угоднымъ; Богъ на страшномъ судѣ взыскивать будетъ съ насъ не за посѣщеніе Св. Земли, а за то, какъ мы исполнили заповѣль любви и милосердія къ ближнимъ. Эти ходячія возраженія, весьма распространенныя, находятъ себѣ возраженіе даже въ нашей Русской литературѣ ¹⁾.

На первый взглядъ подобныя возраженія кажутся вамъ весьма правдивыми. Кто же изъ насъ не знаетъ, что Христосъ отъ своихъ послѣдователей требовалъ любви: сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга ²⁾, и выставлялъ любовь между ними, какъ отличительный признакъ своихъ учениковъ: о семъ узнаютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою ³⁾. Противники паломничества и ратуютъ за проведеніе

¹⁾ „Два старика“, рассказъ графа Л. Толстого.—²⁾ Ев. отъ Іоанна, XV, 12.—³⁾ Ев. отъ Іоанна, XIII, 35.

въ жизни именно только этого христіанскаго начала; но они понимаютъ христіанскую любовь въ узкомъ смыслѣ только милосердія и благотворительности къ ближнимъ. Они высказываютъ свое ученіе о необходимости только этихъ добродѣтелей и отрицаютъ все остальное, что не служитъ ихъ непосредственнымъ выраженіемъ. Въ томъ случаѣ, гдѣ непосредственно не дѣлается какого либо очевиднаго добра другому, не признается ничего христіанскаго. Съ этой точки зрѣнія не имѣютъ никакого смысла устройство великолѣпныхъ храмовъ, звучныхъ колоколовъ, дорогихъ облаченій, блестящихъ иконостасовъ, все, затраченное на ихъ приобрѣтеніе, могло бы быть употреблено на ближайшія и неотложныя дѣла благотворительности. Блестящій храмъ Соломоновъ или храмъ Св. Софіи, созданный Юстиніаномъ и вызвавшій религіозный восторгъ посланниковъ князя Владиміра, имѣютъ, при такомъ воззрѣніи, гораздо меньше цѣнности, чѣмъ благоустроенная больница или, еще менѣе, чѣмъ вскармленіе нѣсколькихъ голодныхъ, небольшая матеріальная помощь нуждающимся въ самыхъ необходимыхъ благахъ жизни.

Но въ подобныхъ воззрѣніяхъ подъ маскою христіанства скрывается матеріалистическое ученіе, которое безусловно отрицаетъ въ человѣкѣ всякія духовныя потребности; отрицаетъ душу, признавая для человѣка одну только жизнь матеріальную, и удовлетвореніе потребностей только матеріальнаго благосостоянія. возводя въ единственную задачу жизни человѣческой. Такія воззрѣнія, хотя и присвоиваютъ себѣ названіе христіанскихъ, отрицаютъ все въ христіанствѣ, кромѣ его нравственнаго ученія, — Иисусъ Христосъ для нихъ не Богъ, а только великій учитель нравствен-

ности; грѣхъ, какъ всеобщая наслѣдственная порча, вошедшая въ родъ человѣческой преступленіемъ праотца Адама, отрицается, и объясненіе зла отыскивается въ умственной неразвитости, въ соціальныхъ условіяхъ и т. п. внѣшнихъ причинахъ, и соотвѣтственно этому отрицается догматъ искупленія отъ грѣха, а главное средство, способное сдѣлать всѣхъ людей святыми и счастливыми, видятъ въ просвѣщеніи ума и въ лучшихъ условіяхъ внѣшней жизни; такъ какъ Христосъ не Богъ, то считается совершенно невозможнымъ и излишнимъ какое либо таинственное и благодатное общеніе со Христомъ, и самое ученіе о благодати, какъ о Божественной таинственной силѣ, совершенно отрицается. Христіанское ученіе о благодатномъ возрожденіи и о средствахъ этого возрожденія считается лишнимъ, при отрицаніи глубины грѣховности человѣческой природы; разные виды христіанскаго подвижничества съ его стремленіями къ личному возрожденію, молитва, постъ, все обрядовое подвергается осмѣянію и считается дѣломъ совершенно ненужнымъ, непроизводительною затратою и времени и труда; матеріалистическое воззрѣніе совершенно не понимаетъ и потому отрицаетъ личное духовное совершенствованіе человѣка и стремленіе къ единенію со Христомъ и къ святости и потому отрицаетъ всѣ эти средства. Люди съ подобнымъ направленіемъ изъ христіанскаго ученія выбираютъ то, что выражаетъ только практическую и уже прикладную сторону христіанства, заповѣди о внѣшнемъ добродѣланіи, и отвергаютъ все, что христіанству и придаетъ характеръ не земнаго ученія, а именно слова Божія, новаго закона, исполненнаго благодати, ведущаго къ личной святости каждаго его послѣдова-

теля. На этомъ матеріалистическомъ одностороннемъ и потому ложномъ пониманіи христіанскаго ученія и покоится отрицаніе паломничества, именно, его христіанскаго смысла.

Совсѣмъ другой смыслъ получаетъ паломничество, если посмотрѣть на него при свѣтѣ православнаго пониманія христіанства. Содержаніе христіанства вполнѣ исчерпывается только при признаніи догматовъ о грѣхпадении перваго человѣка, объ искупленіи людей кровью воплотившагося Сына Божьяго и возрожденіи для жизни новой, святой — благодатию Духа Святаго. Первые люди были назначены Богомъ къ жизни блаженной, святой; они должны были находиться въ неизмѣнномъ послушаніи волѣ Божіей и проявить это послушаніе въ исполненіи положительной заповѣди — не вкушать отъ дерева познанія добра и зла; но люди нарушили заповѣдь, вкусили отъ запрещеннаго дерева, и это обстоятельство имѣло для Адама, а чрезъ него и для всего человѣчества роковое значеніе: человѣкъ утратилъ прежнюю чистоту, душевную невинность, зло проникло въ природу человѣка и, сдѣлавшись въ немъ началомъ преобладающимъ, отъ Адама перешло на всѣхъ его потомковъ; и поелику въ состоявіи невинности всѣ люди были въ Адамѣ, то, какъ скоро онъ согрѣшилъ, согрѣшили въ немъ и всѣ и стали въ состояніе грѣховное, а посему не только грѣху подвержены, но и наказанію за грѣхъ⁴⁾. Слѣдствія грѣхопадения были ужасны; зло почти совершенно извратило природу человѣка, растлило ее и сдѣлало человѣка по этому отъ самаго рожденія чуждымъ Богу, нечистымъ

⁴⁾ Пр. Исп. ч. 1, отв. на 24 вопр.

въ очахъ Божіихъ, по естеству чадомъ гнѣва⁵⁾ и совершенно неспособнымъ ни войти въ ближайшее единеніе съ Богомъ, ни дѣлать истинное добро. Последнюю мысль, весьма важную для опроверженія изложеннаго нами взгляда свѣтскаго общества на паломничество въ Палестину, особенно настойчиво раскрываетъ Слово Божіе; тамъ все истинно доброе называется плодомъ Духа⁶⁾, слѣдовательно недоступнымъ человѣку невозрожденному; любовь, этотъ основной нервъ христіанской нравственности, излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ⁷⁾. Истинная молитва также не отъ насъ, но отъ Духа, Который Самъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголаннми⁸⁾. То немногое добро, которое человѣкъ можетъ дѣлать благодаря слабымъ остаткамъ силъ умственныхъ и нравственныхъ, поврежденных паденіемъ, хотя и не отвергается Богомъ, однако не способствуетъ вѣчному спасенію. Вотъ почему до Іисуса Христа всѣ люди — не только грѣшники, но даже и праведники не могли удостоиваться райскаго блаженства, какъ существа нечистыя предъ Богомъ, а одинаково сходили въ преисподнюю. Христіанство явилось на землѣ именно какъ сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему⁹⁾. Въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ было опредѣлено искупить падшее человѣчество отъ грѣха, уничтожить въ немъ зло, соединить его съ Богомъ и сдѣлать его вновь блаженнымъ и святымъ. Средствомъ искупленія были из-

⁵⁾ Еф. II, 3.

⁶⁾ Гал. V, 12.

⁷⁾ Римл. V, 5.

⁸⁾ Римл. VIII, 26.

⁹⁾ Римл. I, 16.

браны воплощеніе и смерть Сына Божія. Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ, Самъ безгрѣшный, принимаетъ на Себя грѣхи всѣхъ людей и переноситъ со стороны Правды Божіей все то наказаніе, какое должно было постигнуть человечество, и Своею уничиженною жизнію, страданіями и крестною смертію удовлетворяетъ Правдѣ Божіей и снова открываетъ намъ чрезъ Себя доступъ въ царство Божіе. Но хотя человекъ и искупленъ кровію Христовою и получилъ доступъ въ вѣчное царство Божіе, достигнуть его онъ можетъ только при добровольномъ стремленіи къ этому царству и единственно только чрезъ живое единеніе со Христомъ. Человекъ искупленный останется такимъ же грѣховнымъ, нечистымъ, слѣдовательно — заслуживающимъ отверженія и послѣ искупленія, если онъ съ своей стороны не совершитъ одного великаго дѣла, безъ котораго невозможно его спасеніе, это дѣло есть — оправданіе во Христѣ освящающею благодатію Св. Духа. Человекъ, какъ существо по природѣ грѣховное и нечистое, долженъ пересоздаться, измѣниться, содѣлаться новымъ существомъ, заложить въ себѣ сѣмена новой жизни и возрастить ихъ въ себѣ; это великое дѣло совершается благодатію Духа Святаго чрезъ таинственное общеніе съ Христомъ; безъ этого общенія человекъ не можетъ надѣяться на вѣчное спасеніе, такъ какъ только отъ Христа можетъ перелиться въ него токъ новой жизни, умертвить въ немъ грѣхъ и сдѣлать его новымъ твореніемъ; Христосъ — лоза, мы — вѣтви, и только тѣ вѣтви могутъ приносить плодъ, которыя находятся на лозѣ, безъ Христа мы не можемъ совершить ничего добраго, только во Христѣ мы дѣлаемся новымъ твореніемъ ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ Ев. отъ Іоанна XV, 5; 2 Кор. V, 17.

Средствами, благодаря которымъ мы заимствуемъ отъ Христа Его жизнь, являются Слово Божіе, вѣра во Христа, молитва Ему и святыя таинства, изъ нихъ въ особенности таинство Евхаристіи, о которомъ Христосъ сказалъ: ядый Мою плоть и пійя Мою кровь имать животъ вѣчный и аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ ¹¹⁾. Чрезъ тѣснѣйшее общеніе со Христомъ достигается тотъ результатъ, что христіанинъ постепенно переноситъ въ себя настроеніе Христа. Его чувствованія, уподобляется Ему, — христіанинъ пріобрѣтеть и умъ Христовъ ¹²⁾, въ него вселяется любовь Христова, возникаютъ тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ ¹³⁾. Тотъ, кто уподобился Христу, уже легко и добровольно исполняетъ законъ; разнообразныя добрыя дѣла, которыя человекъ, не освященному благодатію, кажутся непосильными, и если и осуществляются, то лишь мимолетно, для уподобившагося Христу являются дѣломъ естественнымъ, неизбѣжнымъ плодомъ его ближайшаго общенія со Христомъ: любовь, радость, миръ, благодать, милосердіе, воздержаніе у него естественныя плоды Духа Святаго ¹⁴⁾.

Изъ представленнаго краткаго и самаго общаго изложенія сущности христіанства намъ видно, что въ христіанствѣ на первомъ планѣ поставляется не дѣланіе добра, а искупленіе чрезъ Христа и оправданіе и освященіе Св. Духомъ во Христѣ, чрезъ тѣснѣйшее единеніе со Христомъ, чрезъ уподобленіе Ему, — дѣла-

¹¹⁾ Ев. отъ Іоанна. VI, 53, 54, 56.

¹²⁾ 1 Кор. II, 16.

¹³⁾ Филипп. II, 5.

¹⁴⁾ Гал. V, 22.

ніе добра, разнообразныя христіанскія добродѣтели являются уже естественнымъ выводомъ, безъ Христа человѣкъ не можетъ творить истиннаго добра. Для христіанина центръ его жизни, всѣхъ помысловъ, пожеланій—есть Христосъ. Вся жизнь его должна быть всецѣло направлена ко Христу, вся дѣятельность должна являться непрерывнымъ уподобленіемъ всему Святейшему образцу. Ложный строй мысли постепенно перерабатывается, грѣховная настроенность сердца измѣняется подъ этимъ живительнымъ воздѣйствіемъ. въ насъ воображается Христосъ¹⁵⁾. Для достиженія этой основной задачи христіанства Церковь создаетъ свое богослуженіе такъ, что оно во всѣхъ частяхъ своихъ говоритъ намъ о Христѣ; всѣ службы церковныя, священныя пѣснопѣнія, церковныя чтенія преобладающимъ содержаніемъ имѣютъ Иисуса Христа; прославленіе Божіей Матери, Св. угодниковъ Божіихъ поставляется въ связи съ Личностью Спасителя и отъ этой Св. Личности получаетъ все свое значеніе. Новозавѣтное слово Божіе говоритъ намъ почти въ каждомъ стихѣ объ Иисусѣ Христѣ, и тотъ, кто усердно читаетъ его, невольно сближается, какъ бы сродняется съ Нимъ и постепенно воспитываетъ въ себѣ любовь къ Нему, развиваетъ въ себѣ христіанское настроеніе, которое дѣлаетъ для него уже легкимъ и естественнымъ всякое доброе дѣло. Тамъ, гдѣ Личность Иисуса Христа не предносится постоянно предъ духовнымъ взоромъ, гложетъ христіанскій духъ, изсякаетъ истинная самоотверженная любовь и не можетъ быть совершенной христіанской жизни. Отъ чего зависитъ въ обще-

¹⁵⁾ Гал. IV, 19.

ствѣ упадокъ нравственности, ослабленіе духа любви, самоотверженной дѣятельности на пользу ближнихъ? Отъ того, что общество удаляетъ себя отъ всего, что способно воспитать въ человѣкѣ духъ Христовъ,—оно мало посѣщаетъ храмъ Божій, рѣдко читаетъ Слово Божіе, поверхностно относится къ Св. таинству Евхаристіи, или совершенно избѣгаетъ его.

Примѣнительно къ нашему вопросу, мы можемъ сдѣлать изъ сказаннаго такое заключеніе: все, что напоминаетъ намъ о нашемъ Спасителѣ, вызываетъ чувство любви къ Нему, напечатлѣваетъ въ сердцѣ Его образъ и чрезъ то преобразуетъ наше настроеніе, существенно для христіанина, такъ какъ выражаетъ самую основную задачу христіанина—пересозданія грѣховнаго человѣка по духу ученія Христа. Паломничество достигаетъ именно этой цѣли; паломникъ посѣщаетъ Св. Палестину, мѣста рожденія, страданія, погребенія, воскресенія Господня и другихъ Св. событий, гдѣ все, каждая пядь земли, каждый камень безмолвно говоритъ ему о Его Спасителѣ и воспоминаетъ въ его сердцѣ любовь къ Нему. Немногіе удостоиваются счастія лично посѣтить Св. мѣста и пролить благодарныя слезы въ колыбели своего вѣчнаго спасенія; но не найдемъ-ли мы какіе нибудь подходящіе къ этому опыты въ нашей повседневной жизни? Когда намъ приходится путешествовать, мы стараемся всегда посѣщать чѣмъ-либо замѣчательныя по воспоминаніямъ мѣста, бываемъ на гробницахъ великихъ писателей, полководцевъ, на мѣстахъ битвъ, и всегда воспоминанія наши, покоящіяся только на книжныхъ свѣдѣніяхъ, какъ бы оживаютъ, лица и событія какъ бы встаютъ и сейчасъ предносятся предъ нашими

глазами, иныя лица и событія вызываютъ въ насъ сильное чувство ужаса или отвращенія. другія симпатію и любовь; особенно это явленіе замѣчается нами при посѣщеніи гробницъ умершихъ; чувства какія мы воспитали въ себѣ лишь отвлеченно къ извѣстному лицу, принимаютъ реальный характеръ и вызываютъ даже къ соотвѣтствующей дѣятельности. Тому же психологическому закону подлежитъ, несомнѣнно, и посѣщеніе Св. мѣстъ. Не безцѣльно устремляется человечество ежегодно до 8 тысячъ изъ одной только православной Россіи ко Гробу Господню. Подъемъ религіознаго чувства, безграничную любовь къ своему Создателю, необыкновенно высокій восторгъ духовный, такой восторгъ, за мигъ котораго можно всѣмъ пожертвовать и который мы, грѣшныя, едва ли переживаемъ когда-нибудь, вотъ что испытываетъ благочестивый христіанинъ у Св. мѣстъ; не безцѣльно оставляетъ Русскій человѣкъ свой домъ, семью, расходуетъ крупную для него сумму денегъ: онъ вѣритъ, что онъ пріобрѣтетъ у Гроба Господня неоцѣненное сокровище—уяснить свою вѣру, усилить любовь ко Христу и возвратится домой свѣтлый и радостный, обновленный, подѣлитъ своимъ настроеніемъ со всѣми окружающими. Никакими словами нельзя выразить тѣ чувства, которыя наполняютъ сердце Русскаго богомольца при видѣ Св. города, пишетъ одинъ паломникъ въ Св. Землю. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ кладетъ земные поклоны и потомъ долго-долго смотритъ на городъ, и слезы текутъ по щекамъ его ¹⁶⁾. Другой интеллигентный паломникъ, послѣ цѣлаго ряда

¹⁶⁾ Поѣздка въ Палестину. Мечъ. 1885.

восторженныхъ воспоминаній и пережитыхъ имъ у Св. мѣсть чувствъ, заканчиваетъ ихъ такими словами: Кто терзается сомнѣніемъ и уязвленъ маловѣріемъ,—да dospѣшитъ тотъ къ святому мѣсту, и Господь, изъ источника чистаго, напоитъ его силою вѣры и ниспослетъ ему благословеніе вѣчное отъ Сіона ¹⁷⁾.

Высокія и святые чувства, пережитые въ Палестинѣ, добытыя труднымъ путешествіемъ, рядомъ всевозможныхъ лишеній,—останутся до самаго гроба вѣчно юными, неизмѣннымъ утѣшеніемъ въ скорбяхъ, могучимъ средствомъ подъема религіознаго настроенія, предостереженіемъ отъ разныхъ соблазновъ и паденій. А сколько духовнаго добра принесетъ паломникъ своимъ односельчанамъ и вообще окружающимъ своими разсказами о Св. Землѣ, объ Іерусалимѣ, Голгоѣѣ и другихъ Св. мѣстахъ; слезы духовной радости текутъ изъ глазъ, сердечная безграничная любовь къ Спасителю наполняетъ сердца слушателей; чувствуютъ они въ это время особенную близость къ своему Искупителю, крѣпятъ ихъ вѣра, и подъ всѣми этими живительными воздѣйствіями мякнетъ сердце любовью къ ближнему; и кто можетъ исчислить, сколько въ порывѣ этихъ религіозныхъ восторговъ творится добрыхъ дѣлъ, но не тѣхъ, которыя совершаются формально, съ расчетомъ, а истинныхъ, согрѣтыхъ любовію къ ближнимъ, въ глубокомъ убѣжденіи, это это совершается Христа ради.

Дай Богъ, чтобы паломничество во Св. Землю развивалось; оно вливаетъ въ океанъ народной жизни цѣлое море святыхъ чувствованій, небесныхъ восторговъ, разбиваетъ твердыню нашей грѣховности и со-

¹⁷⁾ Русскіе люди въ Обѣтованной землѣ. О. Палеологъ. 1895.

дѣйствуетъ общему подъему нашей жизни—какъ нравственному, такъ и религіозному.

Н. Лѣтницкій.

(Сообщ. Имп. Прав. Палест. Об—ва, Сентябрь—Октябрь 1897 г.
Изъ Астрах. Еп. Вѣд.).

Какъ постъ дѣйствуетъ на человѣческой организмъ?

Перечитывая наши безцѣнные „Четви-Минеи“, мы пришли къ мысли на основаніи великаго „опыта“ великихъ постниковъ-подвижниковъ провѣрить: *какъ постъ дѣйствуетъ на человѣческой организмъ?* Правда ли, будто поствая пища ослабляетъ его, будто человекъ не можетъ жить безъ мяса, или, по крайней мѣрѣ, безъ пищи болѣе питательной, чѣмъ простой хлѣбъ и вода? И вотъ, мы пришли къ очень поучительнымъ выводамъ, предъ которыми должны поблѣднѣть всѣ препрославленные „опыты“ Тавнеровъ и имъ подобныхъ любителей „опытовъ“ всякаго рода въ этомъ отношеніи.

Начнемъ съ вопроса: часто ли необходимо принимать пищу?

Вотъ вамъ отвѣтъ святыхъ подвижниковъ! Иларіонъ Великій принималъ пищу обычно чрезъ 3—4 дня; Савва — чрезъ пять; Симеонъ Дивногорецъ еще шести лѣтъ отъ роду уже постился по шести дней, а во всю жизнь вкушалъ чрезъ три-семь-десять дней. Онъ вкушалъ, такъ обр., разъ въ недѣлю, также постился и Макарій Александрійскій повеликимъ постами. Патріархъ Константинопольскій Іоаннъ Постникъ во все время своего святительства вкушалъ только разъ въ недѣлю, въ воскресенье, принимая немного овощей. Паисій Ве-

дикій вкушалъ только въ субботу и въ воскресенье, а къ концу жизни сталъ вкушать чрезъ двѣ недѣли. Петръ Аѳонскій обычно постился по двѣ недѣли, а потомъ до конца жизни вкушалъ чрезъ сорокъ дней. Виссаріонъ и Симеонъ Юродивый часто постились по цѣлой недѣлѣ, а иногда проводили безъ пищи и сорокъ дней. Симеонъ Столпникъ, Герасимъ Іорданскій, Анинъ, Теодоръ Сикеотъ, Антоній и Теодосій Великіе, Макарій Египетскій, Киріакъ, Іоанникій Великій, Маркъ Фракіійскій, Аѳаласій Аѳонскій, Арсеній Великій, Онуфрій Великій, Марія Египетская, Даніиль Столпникъ и многіе другіе обычно всю четырехдесятницу проводили безъ пищи...

Но можетъ быть и пища была питательна? Не питались-ли они какими-нибудь „экстрактами“, эссенціями“ и подобными продуктами?

А вотъ каковы были эти продукты: смоквы, финики, разныя огородныя овощи, самымъ простымъ образомъ приготовленныя безъ всякихъ приправъ, развѣ только съ солью, очень рѣдко — съ масломъ. Одному подвижнику въ день Пасхи ученикъ приготовилъ пищу съ масломъ, онъ посмотрѣлъ на нее, залился слезами и, сказавъ: Господь мой вкусилъ оцетъ съ желчію и я ли буду ѣсть съ масломъ?, — велѣлъ подать себѣ обычную пищу безъ масла. Ъли варенныя зерна пшеницы, ячменя, чечевицы, что у нихъ называлось *сочивомъ*. Тѣ, что жили въ монастыряхъ, питались кромѣ овощей конечно и хлѣбомъ; запасались хлѣбомъ и тѣ пустынники, которые жили близъ монастырей, сберегая запасъ сухарей на нѣсколько дней, даже мѣсяцевъ, *лѣтъ*; но были и такіе, которые много лѣтъ не вкушали и хлѣба. Маркъ Фракіійскій, 95 лѣтъ не выдавшій лица человѣ-

ческаго, открывался поспѣтившему его Сераціону, что голодъ заставлялъ его иногда наполнять чрево землею и пить морскую воду. Пустынники питались тѣмъ, что давала имъ пустыня: дикими растеніями, корнями разныхъ травъ, мохомъ, дубовой корой... Было бы странно упоминать о винѣ... Одинъ подвижникъ, когда его при- нуждали выпить немного вина, всегда наказывалъ себя тѣмъ, что весь слѣдующій день не давалъ себѣ ни капли воды. И при такомъ-то скудномъ питаніи они еще никогда *не ѣли досыта*: у нихъ было правило— оставлять пищу, когда еще есть нѣкоторый остатокъ голода. Фунтъ хлѣба въ сутки — вотъ самая обычная мѣра ихъ питанія. Но многіе и эту мѣру сокращали до четверти фунта. Макарій Александрійскій сдѣлалъ себѣ сосудъ съ узкимъ отверстіемъ, такъ, чтобы только могла проходить рука, и клалъ въ этотъ сосудъ мелко наръзанные сухари: сколько можно было за одинъ разъ захватить рукою, столько и бралъ онъ, когда хотѣлъ подкрѣпить себя пищею: это было не больше осмушки фунта. Многіе изъ нашихъ Кіево-печерскихъ подвижниковъ питались одною просфорою въ день...

Что скажутъ на эту „опытную“ проповѣдь о постѣ слабые люди нашего времени? Или скажутъ, что у пустынниковъ только и дѣла было, что Богу молиться, что у нихъ не было тяжелого физическаго труда? Но едва-ли изъ людей нашего времени способенъ кто выносить такіе великіе труды тѣлесные, какіе выносили постники-подвижники. Развѣ та же молитва, съ тысячами земныхъ поклоновъ, не великій трудъ? А подвижники цѣлыя ночи проводили въ такой молитвѣ. Весь день проходилъ у нихъ въ тяжелой работѣ; спали часъ-два въ сутки на голой землѣ, а иные и вовсе не ложились, а только дремали сидя или стоя...

Скажутъ: это — невозможное дѣло, это значитъ сокращать свою жизнь?!

Но подвижники почти не знали никакихъ болѣзней, всегда были бодры духомъ и тѣломъ, хотя на видъ они были — только кожа да кости. А жили они — вотъ по сколько: Симеонъ Столпникъ стоялъ на столпѣ 80 лѣтъ, а всего прожилъ 103 года; Кириакъ отшельникъ — 109 лѣтъ, Алипій Столпникъ — 118, Іоаннъ Молчальникъ — 104, Антоній и Θεодосій великіе — по 105, Павелъ Фивейскій — 113, нашъ Павелъ Обворскій — 112, Аниинъ — 110. Макарій Александрійскій — 100, Маркъ Фракійскій только въ пустынѣ провелъ 95 лѣтъ, не считая того, сколько жилъ въ мірѣ. А сколько жили по 90, по 80 лѣтъ — трудно и перечестъ. Да и теперь гдѣ вы больше встрѣтите благолѣпныхъ старцевъ, украшенныхъ сѣдинами, — въ міру-ли, или въ монастыряхъ? Недавно въ Троицкой лаврѣ почилъ отъ трудовъ своихъ прстець-старецъ 104 лѣтъ; онъ даже и постриженъ не былъ, ничего не искалъ, съ раняго утра до поздняго вечера привитался въ Божьемъ храмѣ. Лѣтъ сорокъ носилъ тяжелыя вериги. Питался только однимъ кускомъ хлѣба и ковшемъ квасу въ день. Въ 2 часа утра онъ уже былъ въ соборѣ, стоялъ утреню, потомъ равнюю обѣдню, затѣмъ, отдохнувъ въ притворѣ церковномъ, на теплыхъ чугунныхъ плитахъ, надъ духовою печью, стоялъ позднюю обѣдню и только послѣ сего шель въ богадѣльню гдѣ ему отведенъ былъ уголокъ. А къ вече нѣ онъ первый приходилъ въ церковь, потомъ шель ко всенощной, оттуда — на правило и — тогда только „домой“... И такъ, изо дня въ день, много лѣтъ... Гдѣ бралъ силы этотъ хилый, малевъкій старичекъ?.. Богъ подкрѣплялъ его, покрѣпляетъ всѣхъ такихъ...

А все же вѣдь не ангелы и эти люди, вѣдь и они нуждаются въ пищѣ, и вотъ они-то и рѣшаютъ лучше всѣхъ гг. Таннеровъ, сколько нужно человѣку хлѣба насущнаго, чтобы онъ былъ живъ и здоровъ и работать могъ во славу Божию...

Не къ тому мы ведемъ рѣчь, чтобы всѣмъ предлагать такую діету; мы просто предлагаемъ обратить вниманіе на этотъ очевидный фактъ хотя бы только „съ научной стороны“... А фактъ очень-очень поучителенъ: онъ въ корнѣ уничтожаетъ то обычное нашему поколѣнію „непщеваніе вины“ въ нарушеніи св. поста, которое постоянно слышимъ кругомъ: „развѣ можно человѣку прожить съ однимъ хлѣбомъ и водою? какъ это можно жить на одной постной пищѣ? Да вѣдь сразу, съ двухъ-трехъ дней заболѣешь“... А вотъ „опытъ“ говоритъ, что не заболѣешь; конечно, надо постепенно привыкнуть, надо потрудиться надъ собой, если уже не позаботились насъ воспитать въ такихъ правилахъ...

(Ряз. Еп. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи
Протоіерей Г. Голневъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Часть официальная. Высочайшія награды.—Высочайшія соизволенія на укрѣпленіе за церковію и монастыремъ Ниж. епархіи земель.—Къ свѣдѣнію духовенства епархіи О сборѣ въ Вербную недѣлю сего года для православныхъ въ Іерусалимѣ и Св. Землѣ —Назначенія на должности —Утвержденіе въ должности церковныхъ старостъ.—Объявленіе благодарности Епарх. Начальства.—Перемѣны по службѣ.—Праздныя мѣста.—Отчетъ о состояніи Епарх. женскаго Училища за 1898—9 уч. г.—Объявленіе.—Часть неофициальная. Изъ ученическихъ сочиненій въ Возѣ почившаго митр. С.-Петербургскаго Палладія.—Христіанскій смыслъ паломничества.—Какъ постъ дѣйствуетъ на человѣчскій организмъ?

Дозволено цензурой: Цензоръ, Инспекторъ Семинаріи,
Статск. Сов. *Михаиль Пальмовъ.*

Типографія Нижегородскаго Губернскаго Правленія.